

Солженицын Александр

Алена Карась

ВОКРУГ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

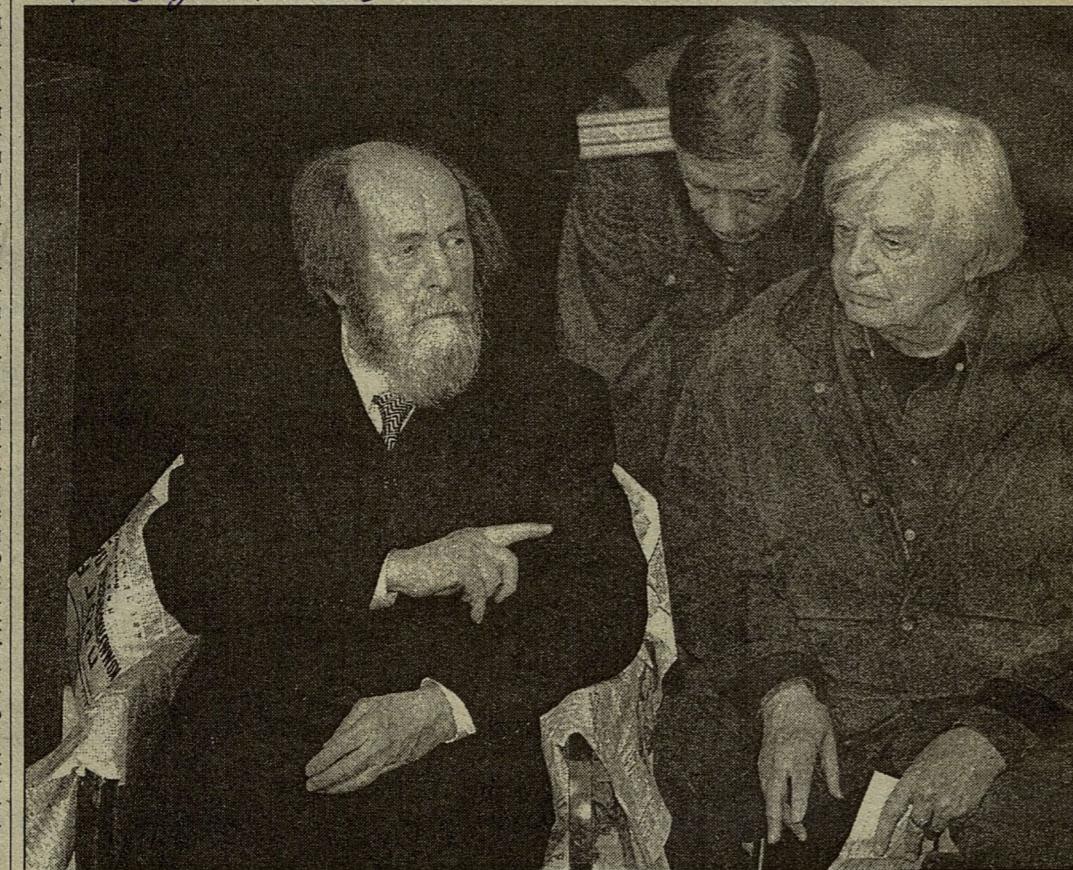
Знаменитый русский писатель отпраздновал свое 80-летие на премьере спектакля Юрия Любимова
Независимая газета. — 1998. — 16 дек. — с. 2

ЭТО БЫЛ особый вечер. Люди медленно прогуливались по фойе, слушая старинную скрипичную музыку в исполнении ансамбля под управлением Татьяны Гринденко. Маленький оркестрик придавал всему вечеру несуетность особого свойства. Кarta Архипелага ГУЛАГ молчала в углу. Сходились люди — у одной из стен актер Александр Цуркан радовался встрече с прототипом своего героя Руськи — Сергеем Николаевичем. Семь лет своей каторги в Речлаге, а потом работу в «шарашке» — с Солженицыным. Копелевым — он считает прекраснее своей сырой жизни в Америке, куда переехал вместе с семьей по предложению Солженицына семь лет назад.

Зал не был переполнен — вечер был протокольным, послы Германии, Чехии, Китая, крупные государственные чиновники не смогли создать аншлаг: кто-то не пришел, и некоторые места пустовали. Потому г-н Красавченко, торжественно пробравшийся через весь ряд с огромным букетом, в конце концов разместился один на трех креслах, уложив цветы (не от президента ли?) на два свободных кресла. Цветы так и остались на этих креслах, стыдливо краснея за своих хозяев.

Режиссер был на высоте своих седин, лет, опыта и красоты. Перед началом в зале повисла напряженная тишина, которая всегда знаменует крупные события. Что-то должно было случиться. Два императора заняли свои кресла. Спектакль начался...

Режиссер давно уже двигался к этой форме, по которой все больше тоскует драматический театр, — к форме музикально-драматического кентавра, оратории, где речь вернется к своему

Юрий «принимает» у Юрия Любимова спектакль «Шарашка».

Наталья и Александр Солженицыны: счастливые минуты.
Фото АП

музыкальному праисточнику, где проступают черты античного театра, в котором поэзия и пение праздновали в игре актера свой прекрасный и единственно

возможный брак. Мы знали, что он прекрасно умеет делать оперу, что он необычайно музкален, мы видели также и его неудачи на пути создания теат-

ральной оратории (в «Докторе Живаго», например).

Мускулистый язык солженицынской прозы оказался как нельзя более кстати фактуре рас-

певов Владимира Мартынова. Строгое мужское — обычно связываемое с монастырским — пение, скорбно возвышаясь над прозой, дает ей еще одно изме-

нение: память поэтического слова, столь важного для Любимова и Солженицына. Подобно строгому церемониймейстеру всего действия, читает Любимов внут-

ренние монологи Сталина, пропевая их как арии, отбивая ритм, как в стихах. Без него спектакль потеряет по крайней мере ритмически.

Ритмом поминальной оратории пронизано и движение актеров по кругу, по огромной деревянной дороге через весь зал обратно на сцену, где строго возвышается сталинский амфитеатр — скамьи Верховного Совета и лагерные нары одновременно. Это движение в зал — не публичистическая таганская вылазка, но приобщение партера к адову кругу прошлого. В «Шарашке» легко вплотилась форма скорбного и умного поминования мертвых, более того — оплакивания народа, который уже почти мертв. Любимов не боится аскетичной и суровой мысли «В круге первом» — мысли о безмолвном, спящем народе, который сам виновен в своем полумертвом бытии.

Вместе с пением скорбно погружался партнер не только в круг страданий, но и в круг солженицынских мыслей — разных, трудных. «Народ любит говарища Сталина, только сам народ никак не годится», — читает Любимов. А кто-то из персонажей печально подхватывает: «Никакого человечества нет, а есть только отечество, отечества... И разные притом».

Когда отшумели и отпели голоса «Шарашки» — старых и новых актеров Таганки, представших здесь вновь единой, целостной труппой, — на сцену вышел писатель. И продолжил поминование: «Какие люди погасли!» Огромная мощь его облика была ни с чем не сравнима, даже в те минуты, когда он отказывался от президентской награды — ордена Святого апостола Андрея Первозванного (которым президент наградил писателя, как и предполагала «НГ» в пятничном номере).

Два восьмидесятилетних императора на таганской сцене праздновали свое уходящее величие и дарили присутствующим давно утраченное чувство реального масштаба событий и лиц новейшей русской истории. ■